

ДЖОАН
ДИДИОН

ПОЛЗУТ,
ЧТОБ
ВНОВЬ
РОДИТЬСЯ
В ВИФЛЕЕМЕ

No Kidding Press

Джоан Дидион

**Ползут, чтоб вновь
родиться в Вифлееме**

«ВЕБКНИГА»

1961-1968

Дидион Д.

Ползут, чтоб вновь родиться в Вифлееме / Д. Дидион —
«ВЕБКНИГА», 1961-1968

ISBN 978-5-6045961-5-9

«Ползут, чтоб вновь родиться в Вифлееме» – это сборник эссе, написанных Джоан Дидион в 1960-х годах для различных периодических изданий и сыгравших важнейшую роль в становлении «новой журналистики». В своих очерках Джоан Дидион, лауреатка Национальной книжной премии, запечатлела тектонический сдвиг, произошедший во всех сферах жизни США. Название сборнику и одному из эссе в нем дала строка из стихотворения У.Б. Йейтса «Второе пришествие» (1919), исполненного предчувствия катастрофы – появления на свет не спасителя, но чудовища, вызванного к жизни разладом и хаосом стремительно меняющегося мира. «Ползут, чтоб вновь родиться в Вифлееме» – это пронизанный ужасом перед распадом старого мира и при этом пытливый и чуткий репортаж о мире новом, свидетельство вовлеченного наблюдателя об уникальном десятилетии в американской истории, противоречивое эхо которого продолжает звучать до сих пор. Дидион приглашает читателей заглянуть в головокружительную пропасть, разделяющую поколение хиппи, глотающих кислоту в районе Хейт-Эшбери в Сан-Франциско в преддверии «лета любви», и поколение Джона Уэйна, звезды голливудских вестернов, чей век безвозвратно уходит. Балансируя между иронией и сочувствием, Дидион резкими и точными мазками пишет яркие портреты не только отдельных героев эпохи: миллиардера-затворника Говарда Хьюза, фолк-певицы и активистки Джоан Баэз – но и мест на карте (Лас-Вегаса, Нью-Йорка, Гавайев, Южной Калифорнии и других), представляя сложный образ Америки, одновременно пугающий и нежный, зловещий, узнаваемо авторский, обжитой и очень личный. *Slouching towards Bethlehem*

ISBN 978-5-6045961-5-9

© Дидион Д., 1961-1968
© ВЕБКНИГА, 1961-1968

Содержание

Предисловие	7
I. Как живут в золотом краю	9
О некоторых мечтателях золотой мечты	9
Джон Уэйн: Песня о любви	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джоан Дидион

Ползут, чтоб вновь родиться в Вифлееме

Для Китаны

*Всё шире – круг за кругом – ходит сокол,
Не слыша, как его сокольник кличет;
Всё рушится, основа расшаталась,
Мир захлестнули волны беззаконья;
Кровавый ширится прилив и топит
Стыдливости священные обряды;
У добрых сила правоты иссякла,
А злые будто бы остервенились.*

*Должно быть, вновь готово откровенье
И близится Пришествие Второе.
Пришествие Второе! С этим словом
Из Мировой Души, Spiritus Mundi,
Всплывает образ: среди песков пустыни
Зверь с телом львиным, с ликом человеческим
И взором жестким и пустым, как солнце,
Влачится медленно, скребя когтями,
Под возмущенный крик песчаных соек.
Вновь тьма нисходит; но теперь я знаю,
Каким кошмарным скрипом колыбели
Разбужен мертвый сон тысячелетий,
И что за чудище, дождавшись часа,
Ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме.*

У.Б. Йейтс

*Я училась мужеству у Будды, Иисуса, Линкольна, Эйнштейна
и Кэри Гранта.
Мисс Пегги Лу*

Joan Didion

Slouching towards Bethlehem: Essays

Copyright © 1961, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968 by Joan Didion

© Елена Смотрова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. No Kidding Press, 2022

Предисловие

Эта книга называется «Ползут, чтоб вновь родиться в Вифлееме», потому что уже несколько лет стихотворение Йейтса, которое напечатано на первой странице, звенит у меня в ушах так, словно его вживили туда хирургическим путем. Кружение полета, сокол, который не слышит сокольника, взор жесткий и пустой, как солнце, – эти образы служили для меня ориентиром, и только на их фоне в том, что я слышала, видела и обдумывала, кажется, появлялась хоть какая-то логика. То же название носит эссе, написанное по итогам моих поездок в район Хейт-Эшбери в Сан-Франциско. Из всего сборника именно это эссе мне было важнее всего написать, и оно единственное после публикации привело меня в уныние. Тогда я впервые в жизни имела дело напрямую с признаками тотального разобщения, доказательством того, что мир распадается на части: я отправилась в Сан-Франциско, потому что несколько месяцев не могла работать, меня парализовало убеждение, что письмо – дело несвоевременное, что привычный мне мир больше не существует. Чтобы когда-нибудь вновь взяться за работу, мне нужно было примириться с беспорядком. Вот почему это эссе было для меня таким важным. Но когда оно увидело свет, я поняла, что как бы прямо я ни выражалась, до львиной доли читателей, даже тех, кому понравился мой текст, достучаться у меня не получилось, не получилось объяснить, что речь идет о чем-то более масштабном, чем кучка детей, обвешанных фенечками. Радиоведущие звонили мне домой, желая обсудить (в прямом эфире) «мерзости» Хейт-Эшбери, а знакомые наперебой поздравляли с тем, что у меня получилось закончить работу «как раз вовремя», потому что «мода прошла, *fini, kaput*». Полагаю, всех пишущих временами посещает подозрение, будто никто их не слушает, но мне показалось тогда (вероятно, потому что это эссе так много для меня значило), что впервые в своей жизни я не получила ни единого отклика по существу.

Почти все собранные здесь очерки были написаны для журналов в 1965, 1966 и 1967 годах, и – предвосхищая вопрос – большая их часть появилась «по моей инициативе». По редакционному заданию я ездила в Кармел-Вэлли, чтобы написать об институте Джоан Баэз, а также на Гавайи; кажется, про Джона Уэйна я тоже писала по заданию, эссе о «морали» мне заказал «Американ сколар», а о «самоуважении» – «Вог». Тринадцать из двадцати очерков были опубликованы в «Сатердей ивнинг пост». Мне нередко пишут откуда-нибудь вроде Торонто с просьбой (и даже требованием) объяснить, как же мне совесть позволяет публиковаться в «Сатердей ивнинг пост». Ответ лежит на поверхности. Там с большим пониманием относятся к желанию автора писать на определенные темы, готовы платить столько, чтобы он мог это делать хорошо, и тщательно следят за тем, чтобы в законченный материал не вносились правки. Временами приходится отказываться от нюансов интонации, но я не считаю, что это хоть сколько-то меня компрометирует. Конечно, не каждое эссе в этом сборнике говорит в строгом смысле о всеобщем распаде, о крушении мира, и утверждать обратное было бы хвастливо и самонадеянно. Многие из них – скромные личные зарисовки. Но поскольку я не бесстрастный хроникер и не пишу о том, что мне не интересно, то мое письмо, порой непреднамеренно, отражает мои мысли и чувства.

Не знаю, что еще сказать об этих эссе. Можно было бы упомянуть, что заниматься некоторыми из них мне понравилось больше, чем другими, но ни одно не далось мне легко, да и времени на них было потрачено, возможно, больше, чем они того стоили; что каждый раз во время работы над текстом наступает момент, когда я сижу в комнате, буквально погребенная под кипой листов, исписанных негодными зачинами, в попытке соединить хоть два слова, и кажется, будто я только что перенесла небольшой инсульт, после которого потеряла речь, хотя со стороны повреждений не заметно. Когда я писала «Ползут, чтоб вновь родиться в Вифлееме», я действительно заболела как никогда прежде. Мне было так больно, что я не

спала ночами и почти круглые сутки пила джин с горячей водой, чтобы притупить боль, следом добавляла декседрин, чтобы развеять туман от джина, и в таком состоянии садилась писать. (Хотелось бы мне, чтобы всё выглядело так, словно я работала из чистого профессионализма, стремясь успеть в срок, но это было бы не совсем правдой; сроки сдачи у меня были, но и время для меня тогда было беспокойное, и подобно тому, как джин заглушал боль, работа помогала справляться с тревогой.) Что еще сказать? Я не умею брать интервью. Я избегаю ситуаций, когда приходится разговаривать с чьим-то агентом. (Это избавляет меня от необходимости писать о большинстве актеров, что само по себе плюс.) Я не люблю звонить и даже не стану считать, сколько раз я садилась на кровать в каком-нибудь из мотелей «Бест вестерн» с утра пораньше и пыталась заставить себя набрать номер помощника окружного прокурора. Мое единственное преимущество как журналиста – субтильная комплекция, ненавязчивый характер и невротическое косноязычие, из-за которых люди забывают о том, что мое присутствие противоречит их интересам. А ведь это всегда так. И это последнее, о чем стоит сказать: *писатели всегда сдают кого-то с потрохами.*

I. Как живут в золотом краю

О некоторых мечтателях золотой мечты

Это история о любви и смерти в золотой стране, и начинается она с земли. Долина Сан-Бернардино раскинулась к востоку от Лос-Анджелеса, в часе езды по одноименному шоссе, но на окрестности она похожа мало: это не прибрежная Калифорния с ее субтропическими сумерками и мягкими западными ветрами с Тихого океана, а Калифорния суровая, куда из-за гор пробивается дух пустыни Мохаве, земля, на которую обрушиваются с перевалов со скоростью сто миль в час сухие раскаленные порывы Санта-Аны, что стонет в эвкалиптовых рощах и расшатывает нервы. В октябре ветер особенно невыносим, дышать тяжело, и на холмах стихийно вспыхивают пожары. Дождей не было с апреля. Каждое слово раздается истошным криком. Это сезон самоубийств, разводов и колючего страха, который охватывает душу с каждым порывом ветра.

Когда-то этот зловещий край населяли мормоны, потом они ушли, но к тому времени здесь уже успели прорасти первые апельсиновые деревья, и следующие сто лет в долину стекались те, кто рассудил, что заветные плоды принесут им процветание, а сухой воздух можно и потерпеть. Они привезли с собой со Среднего Запада строительные технологии, кулинарные рецепты и молитвы, которые попытались привить на новое место. Привой прижился, но причудливым образом. В этом уголке Калифорнии можно за всю жизнь ни разу не попробовать артишок, ни разу не встретить ни католика, ни иудея. Здесь проще набрать специальный номер, чтобы прослушать молитву, чем купить книгу. Здесь когда-то верили в буквальное толкование Книги Бытия, а теперь – в буквальное толкование сюжета «Двойной страховки», и никто не заметил, как произошла подмена. Это край начесов на головах, брюк капри и девушек, чьи жизненные перспективы сводятся к белому платью в пол, рождению дочери по имени Кимберли, Шерри или Дебби и стремительному разводу в Тихуане, за которым следует возвращение в парикмахерский колледж. «По молодости ума-то не было», – говорят они без сожаления и с надеждой смотрят в будущее. А будущее в золотом краю всегда безоблачно, потому что прошлого здесь никто не помнит.

Здесь дуют горячие ветра, старые порядки уже не в ходу, число разводов вдвое превышает средние показатели по стране, а каждый тридцать восьмой живет в трейлере. Это место – конечный пункт для всех приезжих, всех, кому надоел холод, прошлое и старые порядки. Здесь ищут новой жизни, и поиски эти ведутся в привычных местах: в кино и на страницах газет. Дело Люсиль Мэри Максвелл Миллер – таблоидный памятник этой новой жизни.

Сначала представьте себе Баньян-стрит, потому что именно здесь всё и случилось. Добраться до Баньян-стрит можно, если ехать из Сан-Бернардино на запад по бульвару Футхилл – шоссе 66 – мимо сортировочной станции железной дороги Санта-Фе и мотеля «Форти уинкс». Мимо еще одного мотеля – девятнадцати оштукатуренных типи («Ночую в вигваме и очень рад – нет применения лучше для ваших денег!»). Мимо гоночной трассы Фонтана и церкви Назарянина, мимо ресторана «Питстоп-э-гоу-гоу», сталелитейного завода корпорации «Кайзер стил», через городок Ранчо-Кукамонга до ресторана-бара и кофейни «Капу-кай» на пересечении шоссе 66 и Карнелиан-авеню. Если подняться по авеню от «Капу-кай» (что означает «запретное море»), вы увидите бьющиеся на ветру флаги, которые обозначают границу района.

«Полуакровые ранчо! Кафе! Травертиновые полы в прихожей! Первый взнос \$95». Следы замысла, вышедшего из-под контроля, обломки Новой Калифорнии. Дальше по Карнелиан-авеню вывески редуют; на смену однотипным цветным домикам приходят выцветшие

бунгало, то тут, то там мелькают худощавые заросли винограда, кое-где показываются курицы. Затем дорога резко идет вверх по крутому холму, вот уже и бунгало всё меньше, и здесь, пустынная и разбитая, под сенью эвкалиптов и лимонных роц, лежит Баньян-стрит.

Как и от многого в этих краях, от Баньян-стрит веет чем-то чудным и неестественным. Лимонные деревья, посаженные у подножия подпорной стенки высотой в три-четыре фута, что поддерживает дорогу со стороны крутого откоса, открывают взгляду лишь густую, чрезмерно пышную, жутковато глянцевою листву будто из ночного кошмара. Опавшая эвкалиптовая кора покрыта толстым слоем пыли, подходящее прибежище для змей. Камни не похожи на обычный булыжник: кажется, что это последствия какого-то замолчанного тектонического события. Валяются жестяные садовые грелки и бачок унитаза. По одну сторону улицы раскинулась плоская долина, по другую – прямо над лимонными рощами – грозно нависает с высоты в девять, десять, одиннадцать тысяч футов горная гряда Сан-Бернардино. В полночь на Баньян-стрит не видно ни зги, а тишину нарушает лишь ветер в эвкалиптах и приглушенный собачий лай. Где-то неподалеку, наверное, псарня, а может, это не собаки, а койоты.

Именно по Баньян-стрит ночью 7 октября 1964 года Люсиль Миллер возвращалась домой из круглосуточного супермаркета «Мейфер». Светила тусклая луна, дул ветер, у Люсиль Миллер закончилось молоко. Именно на этой улице около половины первой ночи ее «фольксваген» 1964 года выпуска внезапно остановился, воспламенился и начал гореть. В течение часа и пятнадцати минут Люсиль Миллер металась взад-вперед по улице и звала на помощь, но машин не было, и на помощь никто не пришел. К трем часам ночи огонь наконец потушили, постовые Калифорнийского дорожного патруля дописывали отчет, а Люсиль Миллер всё еще всхлипывала и не могла связать двух слов: когда машина загорелась, внутри спал ее муж. «Что я скажу детям, когда в гробу... в гробу ничего не будет? – проревела она подруге, которую вызвали для оказания моральной поддержки. – Как я им скажу, что от него ничего не осталось?»

На самом деле что-то всё же осталось, и неделей позже оно лежало в закрытом бронзовом гробу, усыпанном розовыми гвоздиками, в часовне похоронного дома Дрейпера. Около двухсот человек, пришедших проститься с усопшим, внимали старейшине Роберту Дентону, адвентисту седьмого дня церкви Онтарио, который вещал о «гневе бушующем, обрушившемся на нас». Для Гордона Миллера, уверял он, «не будет больше смерти, волнений души, недоумений». Старейшина Ансель Бристоли поминал «этот скорбный час». Старейшина Фред Дженсен вопрошал: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» С неба капал мелкий дождь, благословляя иссушенную землю, женский голос затянул «Под сенью рук Христа». Для вдовы церемонию записали на пленку, поскольку сама она находилась в тюрьме округа Сан-Бернардино без права выйти под залог по обвинению в убийстве первой степени.

Люсиль Миллер, разумеется, была из приезжих. Она перебралась сюда из прерий в поисках чего-то, что увидела в кино или услышала по радио, – типичная для Южной Калифорнии история. Миллер родилась 17 января 1930 года в Манитобе, в городе Виннипег. Она была единственным ребенком в семье преподавателей Гордона и Лили Максвелл, адвентистов седьмого дня. Члены этой церкви соблюдают субботу, верят в апокалипсис и второе пришествие, с жаром проповедуют и, если строго придерживаются правил, не курят, не пьют, не едят мяса, не красятся и не носят украшений, даже обручальных колец. Ко времени поступления в колледж Уолла-Уолла (адвентистское учебное заведение, где преподавали ее родители) в городе Колледж-Плейс, штат Вашингтон, эта восемнадцатилетняя девушка обладала непримечательной красотой и примечательно бойким характером. «Люсиль мечтала увидеть мир, – говорил впоследствии ее отец. – И ей-таки это удалось».

Бойкий характер девушки шел вразрез с обширной учебной программой Уолла-Уолла; весной 1949 года Люсиль Максвелл познакомилась с Гордоном Миллером по прозвищу Корт и

вышла за него замуж. Ему было двадцать четыре, он окончил Уолла-Уолла и Стоматологическую школу Орегонского университета и поступил на службу медиком в Форт-Льюис. «Наверное, это можно назвать любовью с первого взгляда, – вспоминает мистер Максвелл. – Еще до официального знакомства он прислал Люсиль полторы дюжины роз и записку, в которой выражал надежду, что ей понравятся розы, даже если она не захочет пойти с ним на свидание». Супруги Максвелл вспоминают, что на свадьбе их дочь «так и сияла».

Несчастливые браки так похожи друг на друга, что вдаваться в подробности жизни этой конкретной пары нам ни к чему. Может быть, неурядицы начались уже на Гуаме, где чета жила, пока Корк дослуживал в армии, а может, и нет. Возможно, проблемы появились, когда семья поселилась в маленьком орегонском городке, где Корк открыл небольшую частную практику, а впрочем, может, и нет. Судя по всему, некоторое разочарование принес переезд в Калифорнию: Корк Миллер жаловался друзьям, что стоматология ему опостылела, говорил, что хочет выучиться на врача общего профиля и собирается поступать в Медицинский колледж адвентистов седьмого дня в Лома-Линде, городке в нескольких милях к югу от Сан-Бернардино. Вместо этого он купил стоматологический кабинет, и семья осела на западном краю округа Сан-Бернардино, в скромном домике на одной из тех улиц, где непременно увидишь трехколесный велосипед, где кредиты никогда не закрывают и где каждый мечтает о доме побольше на улице попрестижнее. Это было в 1957 году. К лету 1964-го Миллеры переехали в дом побольше на улицу попрестижнее и стали постепенно обрастать атрибутами благополучной семьи: доход 30 тысяч в год, трое детишек, как с рождественской открытки, панорамное окно с видом, семейная гостиная, фотографии в газетах с подписью «Миссис Гордон Миллер, председательница благотворительного фонда „Сердце Онтарио“». За такую жизнь они платили известную цену; приближался срок, когда распадаются многие браки.

Жара, мигрени, волнения и денежные проблемы – то лето было бы непростым для кого угодно, но для Миллеров оно началось слишком рано и слишком дурно. Двадцать четвертого апреля внезапно скончалась давняя подруга Люсиль Элейн Хейтон; Люсиль Миллер виделась с ней буквально накануне. В мае Корк Миллер ненадолго угодил в больницу с кровоточащей язвой, и его привычная сдержанность переросла в депрессию. Он заявил своему бухгалтеру, что «смотреть уже не может в открытые рты», и грозился наложить на себя руки. К восьмому июля банальные трения в делах любовных и финансовых завели участников действия в новом доме на участке размером в один акр по адресу Белла-Виста, 8488 в банальный тупик, и Люсиль Миллер подала на развод. Но за последующий месяц Миллеры, похоже, успели помириться. Они сходили к семейному консультанту. Заговорили о четвертом ребенке. Казалось, брак их достиг той традиционной стадии перемирия, когда многие смиряются с необходимостью свести к минимуму не только потери, но и ожидания.

Но сезону неурядиц Миллеров не было суждено закончиться так легко. Седьмое октября начиналось как обычный день, один из тех, что навязают в зубах мелкими разочарованиями и скукой. Днем температура в Сан-Бернардино подскочила почти до 102 градусов по Фаренгейту, школьные учителя отправились на обязательное повышение квалификации, и дети остались дома. Нужно было отдать белье в глажку. Необходимо было взять рецепт на нембутал, заехать в химчистку. Ранним вечером произошел неприятный инцидент с «фольксвагеном»: Корк Миллер насмерть сбил немецкую овчарку, а позже сказал, что у него так болит голова, будто ее придавило грузовиком. Он вообще часто так говорил. На тот момент Корк Миллер должен был отдать в счет долгов 63 479 долларов, 29 637 из них – за новый дом, и, похоже, груз долгов на него сильно давил. Ему было нелегко справляться со своими обязанностями, и он постоянно жаловался на мигрени.

В тот вечер он ужинал в одиночестве, сидя за приставным столиком в гостиной. Позже Миллеры смотрели телевизор, где крутили «Смотри, как они бегут» с Джоном Форсайтом и Зентой Бергер, а потом, около одиннадцати, когда фильм закончился, Корк Миллер предло-

жил выйти за молоком. Ему хотелось горячего шоколада. Он стянул плед и подушку с дивана и забрался на пассажирское сиденье «фольксвагена». Люсиль Миллер помнит, как потянулась, чтобы закрыть дверь с его стороны, выезжая задним ходом на дорогу. Когда она вышла из супермаркета – и задолго до того, как супруги доехали до Баньян-стрит, – Корк Миллер, казалось, уже спал.

О том, что произошло между 0:30, когда случилось возгорание, и 1:50, когда поступил звонок в полицию, Люсиль Миллер дает сбивчивые показания. Она говорит, что ехала по Баньян-стрит на восток со скоростью около 35 миль в час и вдруг почувствовала, как машину резко уводит вправо. Через мгновение, по ее словам, «фольксваген» оказался на насыпи, почти у самого края откоса, а за ее спиной полыхало пламя. Как выбралась из машины, она не помнит. Она помнит, как схватила камень и выбила им окно со стороны супруга, а затем слезла вниз по подпорной стенке, чтобы найти какую-нибудь палку. «Не понимаю, как я собиралась вытаскивать его из машины, – рассказывает она. – Думала, если найду палку, вытолкну его как-нибудь». Сделать это ей не удалось, и спустя некоторое время она бросилась к перекрестку Баньян-стрит и Карнелиан-авеню. На этом углу нет домов и почти никто не ездит. Мимо проехала машина, но не остановилась, и тогда Люсиль Миллер бегом бросилась обратно к горящему «фольксвагену». Чуть замедлив бег, она сумела рассмотреть в пламени своего мужа. Он был «совсем черный», рассказала она.

Помощь Люсиль Миллер нашла в полумиле от горящей машины, в первом доме по Сапфир-авеню. Миссис Роберт Свенсон позвонила оттуда шерифу, а затем, по просьбе Люсиль Миллер, адвокату Миллеров и близкому другу семьи Гарольду Лэнсу. Лэнс забрал Люсиль Миллер домой, к своей жене Джоан. Лэнс и Миллер дважды приезжали на Баньян-стрит и разговаривали с дорожной полицией. На третий раз Гарольд Лэнс ездил один, а вернувшись, сказал Люсиль Миллер: «Так... с этой минуты больше ни слова».

Когда на следующий день Люсиль Миллер арестовали, с ней была Сэнди Слейгл. Слейгл, пылкая и невероятно преданная делу студентка-медик, когда-то работала у Миллеров няней и жила у них на правах члена семьи с тех самых пор, как в 1959 году окончила школу. Миллеры приняли ее, когда она сбежала от своей неблагополучной семьи, и о Люсиль Сэнди отзывалась не только как о «второй матери или сестре», но и как о «добрейшей души человеке». В ночь происшествия Сэнди Слейгл находилась в общежитии Университета Лома-Линда, но рано утром Люсиль Миллер позвонила ей и попросила приехать домой. Когда Слейгл добралась до дома Миллеров, врач как раз делал Люсиль укол нембутала. «Она плакала так, будто умирает, – вспоминает Сэнди Слейгл. – Только и повторяла: „Сэнди, я так долго пыталась его спасти, и посмотри теперь, что они со мной *делают!*“»

В 13:30 сержант полиции Уильям Патерсон и детективы Чарльз Кэллахан и Джозеф Карр из Центрального отделения по расследованию убийств прибыли к дому номер 8488 по улице Белла-Виста. «Один из них появился в дверях спальни, – вспоминает Сэнди Слейгл, – и сказал Люсиль, что у нее есть десять минут на сборы, иначе ее увезут как есть. На ней была только ночная сорочка, сами понимаете, в ее-то состоянии, поэтому я помогла ей одеться».

Сэнди Слейгл говорит механически, взгляд ее неподвижен. «Я подала ей трусы и бюстгальтер, и тут полицейские снова открыли дверь. Я натянула на нее капри, накинула шарф, – голос у Сэнди срывается. – А потом они увезли ее».

Люсиль Миллер арестовали спустя всего двенадцать часов после первого сообщения о происшествии на Баньян-стрит – и эта поспешность позднее дала адвокату Миллер повод говорить, что дело завели лишь затем, чтобы оправдать необоснованный арест. Но на самом деле детективов, прибывших на Баньян-стрит под утро, насторожило несколько фактических нестыковок, которые и заставили их обратить особое внимание на это дело. Люсиль говорила, что перед тем, как машина резко вильнула в сторону и остановилась, она ехала со скоростью 35 миль в час, но осмотр остывающего «фольксвагена» показал, что машина встала на первой

передаче и что включены были не фары ближнего света, а габаритные огни. К тому же, передние колеса находились не в том положении, которое соответствовало бы описанию Люсиль Миллер, а правое заднее колесо зарылось в грунт, как будто машина буксовала. Также детективам показалось странным, что после резкого рывка вбок и остановки на скорости 35 миль в час, от которой, предположительно, в багажнике опрокинулась канистра с топливом и началось возгорание, на полу остались стоять вертикально два пакета молока и, похоже, ничуть не сдвинулась с места фотокамера «Полароид», лежавшая на заднем сидении.

Впрочем, от напуганного человека едва ли можно было ожидать точного описания случившегося и неслучившегося, а нестыковки сами по себе не могли служить неопровержимым доказательством преступного умысла. И всё же они заинтересовали полицию, как и то обстоятельство, что Гордон Миллер во время происшествия находился, судя по всему, без сознания, а также то, сколько времени Люсиль Миллер понадобилось, чтобы найти помощь. Более того, что-то насторожило следователей и в поведении Гарольда Лэнса, когда он в третий раз приехал на Баньян-стрит и выяснил, что закрывать дело никто не собирается. «Он вел себя так, – позже передавал их слова прокурор, – как будто ему было что скрывать».

Таким образом, утром 8 октября, еще до того, как врач приехал сделать Люсиль Миллер укол успокоительного, в конторе шерифа Сан-Бернардино уже разрабатывалась альтернативная версия событий, произошедших той ночью с 0:30 до 1:50. Эта версия, позднее ставшая основной, строилась на несколько натянутом предположении, что Люсиль Миллер попыталась привести в исполнение определенный план, но потерпела неудачу: она якобы собиралась остановить машину на пустынной дороге, облить бензином мужа, которого она якобы предвзвительно накачала снотворным, а затем, надавив палкой на педаль газа, аккуратно подвести «фольксваген» к краю насыпи, откуда машина упала бы в лимонную рощу у подножия четырехфутовой подпорной стенки и наверняка бы взорвалась. В таком случае Люсиль Миллер успела бы преодолеть около двух миль по Карнелиан-авеню и добраться до дома еще до того, как о происшествии стало бы известно. По мнению следствия, план провалился, когда машина не въехала на насыпь. Вероятно, когда мотор заглох в третий или четвертый раз, Люсиль Миллер запаниковала: неосвещенная улица, горячее уже разлитое, лают собаки, ветер шумит, и первая же пара фар на дороге грозит ей разоблачением – тогда она решила поджечь машину сама.

Несмотря на то что эта версия, казалось бы, объясняла происхождение нескольких улик: первая передача была включена, потому что машину заводили с места; габаритные огни горели, потому что в кромешной темноте сделать бы ничего не получилось; заднее колесо пробуксовывало в многократных попытках въехать на насыпь, пакеты молока стояли вертикально, потому что не было никакой резкой остановки, – она была не менее и не более правдоподобной, чем та, которую предложила сама Люсиль Миллер. Некоторые улики, казалось, как раз подтверждали ее версию: гвоздь в шине переднего колеса, увесистый булыжник в салоне, похоже, тот самый, которым она выбивала окно в попытке спасти мужа. Вскрытие, произведенное через несколько дней после происшествия, показало, что Гордон Миллер сгорел заживо, что говорило не в пользу версии следствия, в крови же у него было достаточно нембутала и сандоптала, чтобы усыпить среднестатистического взрослого (а это, напротив, подтверждало версию обвинения). С другой стороны, Гордон Миллер постоянно принимал нембутал и фиоринал (распространенное рецептурное средство от мигрени, содержащее сандоптал), к тому же он был болен.

Дело было темное, и, чтобы хоть как-то дать ему ход, следствие должно было найти мотив. Поговаривали, что супруги были несчастливы вместе, что у Люсиль Миллер кто-то был. Отыскать мотив – такую цель поставили себе детективы на ближайшие несколько недель. Искали в бухгалтерских книгах, в условиях двойной страховки, в регистрационных журналах мотелей, пытаясь понять, что могло заставить женщину, которая искренне верила, что достаток и стабильность принесут ей счастье, возглавляла местный благотворительный фонд, всегда знала, где можно недорого сшить хорошее платье, а когда-то и вовсе сумела вырваться из унылого

консервативного захолюстья в поисках лучшей, по ее мнению, жизни, – что могло заставить такую женщину сесть у панорамного окна в своем новом доме на улице Белла-Виста в лучах пустого калифорнийского солнца и, глядя вдаль, выстроить план, как заживо сжечь собственного мужа в семейном «фольксвагене». Зацепка обнаружилась ближе, чем ожидалось: позднее из показаний в суде стало ясно, что в декабре 1963 года Люсиль Миллер завела роман с мужем одной из своих подруг, мужчиной, чья дочь называла ее «тетя Люсиль», а сам он, казалось, обладал особым талантом притягивать людей, деньги и благополучие – талантом, которым Гордон Миллер был явно обделен. Мужчину звали Артвелл Хейтон, это был известный в Сан-Бернардино юрист, который когда-то работал в аппарате окружного прокурора.

В некотором смысле это была типичная интрижка для такого места, как Сан-Бернардино, – места, где так мало света и благодати, где люди забывают дорогу в будущее и пытаются отыскать ее в чужой постели. За те семь недель, что продолжался суд над Люсиль Миллер, помощник окружного прокурора Дон Тёрнер и адвокат Эдвард Фоли разыграли между собой на редкость предсказуемый спектакль. В нем были записи из мотелей под вымышленными именами. Были совместные обеды и дневные прогулки в красном «кадиллаке»-кабриолете Артвелла Хейтона. Были и бесконечные разговоры об обманутых супругах. Были там и доверенные лица («Я всё знала, – с жаром настаивала Сэнди Слейгл позднее. – Время, место – всё»), и фразы, будто выписанные из бульварных романов («Не целуй меня, иначе я не смогу устоять», – сказала Люсиль Миллер Артвеллу Хейтону однажды после обеда на парковке ресторана «Гарольдс клуб» в Фонтане, о чем она вспомнила на допросе), были и милые любовные записки: «Привет, сладкая моя! Ты моя прелестница! С днем рождения! Выглядишь на 29 и ни днем больше!! Твой малыш, Артвелл».

Увы, их отношения завершились на враждебной ноте. 24 апреля 1964 года внезапно скончалась Элейн, жена Артвелла Хейтона, и с тех пор всё пошло из рук вон плохо. В те выходные Хейтон отправился на своей яхте «Любовь капитана» на остров Санта-Каталина; в девять вечера в пятницу он позвонил домой, но трубку взяла не его жена, а Люсиль Миллер, которая сказала ему, что Элейн в душе. На следующее утро дочь Хейтонов обнаружила свою мать мертвой в постели. В газетах писали, что смерть наступила внезапно, возможно, от аллергической реакции на лак для волос. Когда Артвелл прилетел с Каталины домой, Люсиль Миллер встречала его в аэропорту, однако конец романа был уже предрешен.

Их разрыв стал той точкой, в которой эта история перестала быть заурядной и начала походить на романы Джеймса Кейна и фильмы конца 1930-х – на все те фантазии, в которых насилие, угрозы и шантаж являются неотъемлемыми атрибутами жизни среднего класса. Поразительнее всего в деле против Люсиль Миллер оказалось нечто, вовсе не имеющее отношения к закону, нечто, что не попадало на передовицы с кричащими заголовками, но всегда словно бы присутствовало между строк: сама мечта учила мечтателей жизни. Вот, например, что сказала Люсиль Миллер своему возлюбленному в начале лета 1964 года, когда тот по совету священника решил прекратить их отношения: «Сначала я пойду к этому твоему пастору и кое-что ему расскажу. Посмотрим, как тебя потом пустят в церковь. Дорогой мой, у тебя не то что репутация рухнет, да вся твоя жизнь яйца выеденного не будет стоять». Артвелл Хейтон – Люсиль Миллер: «Тогда я про тебя такое расскажу шерифу Фрэнку Блэнду – ты пожалеешь, что вообще со мной связалась». Довольно занятный диалог для адвоката по делам о причинении вреда здоровью и супруги стоматолога, тем более адвентистов седьмого дня.

«Да я из него веревки вила», – позднее признавалась Люсиль Миллер Эрвину Спренглу, с которым Хейтона связывали деловые отношения, и обоих – дружеские. (Дружба дружбой, но в тот раз к его телефону оказалось волшебным образом подключено подслушивающее устройство, которое позволило ему записать разговор с Люсиль Миллер.) «Да у него доказательств никаких. У меня факты – а у него что?» В том же разговоре с Эрвином Спренглом Люсиль

Миллер упомянула и запись, которую тайком сделала несколькими месяцами ранее в машине Артвелла Хейтона.

– Я сказала ему: «Артвелл, у меня такое ощущение, что ты меня просто используешь». Он пожевал большой палец и ответил: «Я тебя люблю... Это всё не вчера началось. Я бы женился на тебе завтра же, если бы мог. Я не люблю Элейн». Как считаешь, он хочет, чтобы кто-нибудь еще это услышал?

– Да уж, – протянул голос Спренгла на записи. – Ему это было бы не слишком на руку.

– Да-да, не *слишком*, – отозвалась Люсиль. – Самую *малость*!

Позже на записи Спренгл спросил, где сейчас Корк Миллер.

– Повел детей в церковь.

– А ты дома осталась?

– Да.

– Дерзкая девчонка.

И это делалось во имя так называемой любви; все участники истории безоговорочно верили в силу этого слова. Люсиль Миллер придавала особенное значение словам Артвелла о том, что он «любит» ее и не «любит» Элейн. Сам Хейтон в суде отчаянно настаивал на том, что не говорил ничего подобного, так, может быть, «шептал ей на ухо какие-то милые пустяки» (защита Люсиль намекала, что не только ей), но не помнит, чтобы давал ей какие-то особые обещания или прямым текстом признавался в «любви». Как-то летним вечером Люсиль Миллер и Сэнди Слейгл проследовали за Артвеллом до причала в Ньюпорт-Бич и, стоило ему подняться на борт своей новой яхты, отвязали швартовые тросы. Хейтон остался на борту с девушкой, с которой, как он позднее утверждал в суде, они пили горячий шоколад и смотрели телевизор. «Я специально это сделала, – признавалась затем Люсиль Миллер Эрвину Спренглу, – чтобы сердце не толкнуло меня на безумства».

Одиннадцатого января 1965 года было тепло и ясно; Санта-Каталина в такую погоду парит на горизонте посреди Тихого океана, а воздух пахнет апельсиновым цветом; унылый суровый Восток, холода и прошлое далеко позади. В Голливуде женщина устроилась ночевать на капоте своей машины, чтобы не дать приставам забрать ее за долги. Семидесятилетний пенсионер проехался на своем «универсале» со скоростью пять миль в час мимо игорных домов в Гардене и разрядил в окна три пистолета и обрез двенадцатого калибра, ранив двадцать девять человек. «Многие девушки идут в проститутки, чтобы заработать денег и спустить их за карточным столом», – объяснил он в записке. Миссис Ник Адамс призналась, что желание мужа подать на развод, о котором он заявил на шоу Леса Крейна, совсем ее «не удивило», а севернее, в Сан-Франциско, шестнадцатилетний подросток прыгнул с моста Золотые Ворота и выжил.

А в Окружном суде Сан-Бернардино в тот день начался процесс по делу Миллер. Стеклопанные двери зала суда не выдержали натиска любопытствующих, и в итоге жетончики, дающие право на посещение заседания, получили только первые сорок три человека в очереди. Очередь начала выстраиваться еще в шесть утра, а несколько студенток дежурили у входа в суд всю ночь, запасшись цельнозерновым печеньем и низкокалорийной газировкой.

В первые несколько дней суд отбирал присяжных, однако уже тогда было понятно, что процесс станет сенсацией. В начале декабря состоялось первое судебное разбирательство с участием присяжных, закончившееся ничем. Улик предоставлено не было, так как в тот день местная газета «Сан-Телеграм» опубликовала эксклюзивный материал, в котором приводились слова помощника окружного прокурора Дона Тёрнера, который представлял сторону обвинения: «Мы изучаем обстоятельства смерти миссис Хейтон. Однако в свете текущего процесса по делу о гибели доктора Миллера, я воздержусь от комментариев о ее смерти». Похоже, в крови Элейн Хейтон обнаружили барбитураты, а в том, как она была одета тем утром, когда ее нашли мертвой на кровати, усмотрели что-то подозрительное. Однако никакие догадки о возможных

причинах ее смерти до тех пор не обсуждались нигде, кроме конторы шерифа. «Наверное, кто-то решил, так сказать, не раскачивать лодку, – комментировал Тёрнер позднее. – Ведь речь шла о видных людях».

Несмотря на то что всех этих подробностей в «Сан-Телеграм» не сообщали, было немедленно объявлено о пересмотре дела. Почти одновременно с этим Артвелл Хейтон созвал воскресную пресс-конференцию в своем кабинете. В утренний час к нему явились репортеры, защелкали вспышки. «Джентльмены, как вам, должно быть, известно, – заговорил он с натянутым добродушием, – женщины нередко увлекаются своими врачами и адвокатами. Это вовсе не означает, что со стороны врача или адвоката есть какое-либо ответное романтическое чувство».

– Вы отрицаете, что у вас была связь с миссис Миллер? – спросил один из журналистов.
– Я отрицаю какие бы то ни было романтические чувства со своей стороны.

В ходе последующих утомительных недель он не раз подчеркивал это различие.

Итак, все эти люди, столпившиеся под пыльными пальмами у здания суда, пришли посмотреть на Артвелла, а также они пришли, чтобы увидеть Люсиль – сублинную, бледную от недостатка солнца женщину, которую не всегда можно было назвать красавицей; женщину, которой еще до конца разбирательства исполнялось тридцать пять и на лице которой уже начала проявляться усталость; щепетильную женщину, которая вопреки всем советам адвоката пришла в суд с высокой залитой лаком прической. «Я уговаривал Люсиль просто распустить волосы, но она отказалась», – признавался ее адвокат Эдвард Фоли – низенький, эмоциональный ирландец-католик, который расплакался в зале суда несколько раз. «Она женщина редкой порядочности, – объяснял Фоли, – но в том, что касается внешнего вида, эта порядочность работает против нее».

К началу процесса на Люсиль Миллер стали появляться вещи для будущих мам: медицинское освидетельствование 18 декабря показало, что она на четвертом месяце беременности. Это обстоятельство еще больше осложнило выбор присяжных, так как Тёрнер запрашивал смертную казнь. «Печально, но ничего не поделаешь», – говорил он о положении Миллер каждому присяжному по очереди. Наконец определился финальный состав коллегии, семеро из двенадцати – женщины, самой молодой сорок один год. Это было собрание подобных: несколько домохозяек, механик, водитель грузовика, заведующий продуктовым магазином, делопроизводительница – те самые представители среды, над которыми Люсиль отчаянно пыталась возвыситься.

И не столько супружеская измена, сколько этот самый грех стократно усиливал тяжесть преступления, за которое судили Люсиль Миллер. И защита, и обвинение молча сходились в том, что она женщина падшая, женщина, которая возжелала слишком много. Но обвинение считало, что она не просто хотела жить в новом доме, ходить на вечеринки и болтать по телефону, тратя гигантские суммы (1 152 доллара за десять месяцев), а что она не остановилась перед убийством мужа, лишь бы получить 80 тысяч долларов по страховке, и подстроила аварию, чтобы по условиям двойной выплаты и страхования от несчастного случая добавить к ним еще 40 тысяч. Тёрнер видел перед собой женщину, которой мало было личной свободы и достойных алиментов (по утверждению защиты, она могла бы этого добиться, если бы довела до конца развод), но которая захотела всё и сразу, которой двигала «любовь и алчность». «Манипуляторшу», которая «использует людей».

Эдварду Фоли, напротив, Люсиль Миллер казалась женщиной импульсивной, не сумевшей «обуздать свое глупое сердечко». Там, где Тёрнер пытался обойти тему беременности стороной, Фоли намеренно привлекал к ней внимание и даже вызвал из Вашингтона мать погибшего, которая подтвердила, что сын говорил ей о том, что они хотят завести еще одного ребенка, потому что, по мнению Люсиль, «это помогло бы подлатать отношения в семье и вернуть то тепло, которое когда-то царило в доме». Там, где обвинение видело холодный «рас-

чет», защита усматривала «язык без костей», и Люсиль Миллер действительно предстала перед судом наивной болтушкой. При жизни мужа она делилась подробностями своей интрижки с подругами, а после его смерти так же беззаботно болтала о ней с сержантом полиции. «Конечно, Корк давно всё знал, – раздавался ее голос на записи, сделанной сержантом Патерсоном наутро после ареста. – После смерти Элейн он запаниковал и задал мне прямой вопрос, и только тогда, мне кажется, только тогда он наконец посмотрел правде в глаза». На вопрос сержанта о том, почему она согласилась поговорить с ним наперекор указаниям защиты, Люсиль Миллер легкомысленно пробормотала: «Ох, я вообще человек честный... Я, конечно, могу купить шляпку и сказать, что она стоила на десять долларов дешевле, но я привыкла поступать так, как считаю нужным, а уж если вас это не устраивает, скатертью дорожка».

Обвинение намекало на связи Люсиль Миллер с другими мужчинами, и даже, вопреки возражениям Фоли, назвало одно имя. Защита отмечала суицидальные склонности ее мужа. Обвинение вызывало экспертов, которые утверждали, что возгорание «фольксвагена» было несчастным. Фоли приводил свидетелей, которые подтверждали, что машина загорелась сама. Отец Люсиль, школьный учитель из Орегона, цитировал журналистам пророка Исайю: «И всякий язык, который будет состязаться с тобою на суде, – ты обвинишь?» «Люсиль плохо поступила – я про ее роман, – осторожно говорила ее мать. – Но у нее в жизни была любовь, а у иных кроме страсти и нет ничего».

В суде допрашивали четырнадцатилетнюю дочь Миллеров Дебби, которая ровным голосом рассказывала, как за неделю до происшествия они с матерью покупали в супермаркете канистру бензина. Допрашивали Сэнди Слейгл, которая приходила в суд каждый день, – она заявляла, что по меньшей мере единожды Люсиль Миллер помешала мужу совершить самоубийство, да еще такое, которое было бы похоже на несчастный случай и позволило бы получить двойную страховку. Допрашивали Венке Берг, милостивую норвежку двадцати семи лет, гвернантку Хейтонов, которая сообщала, что Артвелл Хейтон дал ей указание не подпускать Люсиль Миллер к его детям.

Бесконечно тянулись два месяца, дело не сходило с передовиц. Всё это время в Сан-Бернардино были расквартированы журналисты криминальной хроники Южной Калифорнии: Говард Гертель из «Таймс», Джим Беннет и Эдди Джо Бернал из «Геральд экзаминера». За эти два месяца дело Миллер исчезло с первой полосы «Экзаминера» лишь дважды, уступив списку номинантов на «Оскар» и материалу о смерти Стэна Лорела. Наконец, 2 марта, когда Тёрнер напоследок еще раз повторил, что это дело о «любви и алчности», а Фоли возразил, что его клиентку судят за измену, дело передали присяжным.

Пятого марта в 16:50 они вынесли вердикт: виновна в тяжком убийстве первой степени. «Она не убивала! – закричала Дебби Миллер, вскочив со своего места в зале, – Не убивала!» Сэнди Слейгл рухнула на стул и зашлась криком. «Сэнди, ради бога, *хватит*», – приказала ей Люсиль Миллер, и Сэнди тут же подчинилась. Но когда присяжные покидали зал, Слейгл выкрикнула: «Убийцы... Все до единого – убийцы!» В зал прошли помощники шерифа в тонких галстуках с надписью «Родео шерифа, 1965», а отец Люсиль Миллер, школьный учитель с печальным лицом, веривший в слово божье и в то, что желание увидеть мир не сулит ничего хорошего, послал дочери воздушный поцелуй.

Калифорнийская женская тюрьма Фронтера, куда поместили Люсиль Миллер, расположена там, где Юклид-авеню переходит в грунтовую дорогу, неподалеку от тех мест, где Люсиль Миллер еще недавно жила, ходила по магазинам и устраивала благотворительные вечера. Через дорогу пасутся коровы, поливалки орошают люцерну. В тюрьме Фронтера есть поля для софтбола и теннисные корты, и, если бы не колючая проволока по верху сетчатого забора, пока еще не скрывшаяся в кронах молодых деревьев, легко было бы принять это место за общественный колледж. В дни посещения на парковке появляются большие машины: «бьюики» и «пontiаки»

дедушек с бабушками, сестер и отцов (мужья приезжают сюда нечасто), у некоторых на бампере наклейки «Поддержки местную полицию!»

Здесь содержится много калифорнийских убийц, девушек, которые неправильно поняли, что обещает им будущее. Дон Тёрнер отправил сюда Сандру Гарнер (а ее мужа – в газовую камеру в Сан-Квентине) после двойного убийства в пустыне в 1959 году, известного криминальным журналистам как «бутылочное убийство». Здесь же отбывает срок Кэрол Трегофф, осужденная за покушение на убийство жены доктора Финча в Вест-Ковине, неподалеку от Сан-Бернардино. Трегофф служит санитаркой в тюремной больнице, и именно она помогла бы ребенку Люсиль Миллер появиться на свет, решишь та рожать во Фронтере. Но Люсиль предпочла рожать в другом месте и оплатила работу охранника у входа в родильную палату больницы Сан-Бернардино. За ребенком приехала Дебби Миллер, она нарядила малышку в белое платье с розовыми лентами. Ей разрешили выбрать имя, и она назвала девочку Кими Кай. Дети Миллеров теперь живут с Гарольдом и Джоан Лэнс. Люсиль же, вероятно, придется провести во Фронтере еще десять лет. Дон Тёрнер отозвал первоначальное требование смертной казни (по общему мнению, он запрашивал такое наказание только затем, чтобы, как выразился Эдвард Фоли, «в присяжные не попал ни один человек с малейшими зачатками человечности») и удовлетворился пожизненным заключением с возможностью условно-досрочного освобождения. Люсиль Миллер не нравится в тюрьме, и приспосабливается она с трудом. «Ей придется научиться смирению, – комментирует Тёрнер. – Ей пригодится ее умение очаровывать людей и использовать их в корыстных целях».

Новый дом Миллеров теперь пустует. Надпись на придорожном знаке гласит:

ЧАСТНАЯ ДОРОГА
БЕЛЛА ВИСТА
ТУПИК

Миллеры так и не успели привести в порядок участок, и к облицовке из декоративного камня со всех сторон подступают сорняки. Антенна на крыше покосилась, а в мусорном баке навалена гора обломков семейной жизни: дешевый чемодан, детская игра «Детектор лжи». Там, где могла быть лужайка, стоит знак «Продается». Эдвард Фоли пытается подать апелляцию, но дело постоянно откладывается. «Итог судебного процесса всегда зависит от сочувствия, – устало говорит он. – Я не смог вызвать сочувствия к ней». Все уже порядком устали, устали и смирились, но только не Сэнди Слейгл, которая по-прежнему злится. Она живет в квартире близ Медицинского колледжа в Лома-Линде и изучает, как освещалось дело в криминальной прессе. «Я бы предпочла не говорить о Хейтонах, – отрезает она, не выключая диктофон. – Лучше расскажу, какой Люсиль замечательный человек и как несправедливо с ней поступили». Гарольд Лэнс и вовсе отказывается общаться с посетителями. «Не хотелось бы отдавать за так то, что можно продать», – приветливо объясняет он. Лэнсы уже пытались продать эту историю в журнал «Лайф», но «Лайф» покупать отказался. В окружной прокуратуре занимаются другими убийствами и не понимают, почему дело Миллер вызывает такой интерес. «Это было не самое интересное убийство», – лаконично отвечает Дон Тёрнер. Смерть Элейн Хейтон больше никто не расследует. «Вся необходимая информация у нас уже есть», – говорит Тёрнер.

Офис Артвелла Хейтона расположен этажом ниже офиса Эдварда Фоли. Некоторые в Сан-Бернардино говорят, что Артвелл Хейтон сильно переживал, другие утверждают, чтонисколько. Возможно, он действительно не переживал, ведь в золотом краю, где мир каждый день рождается заново, прошлое не имеет власти над настоящим и будущим. Так или иначе, 17 октября 1965 года Артвелл снова женился – на миловидной гувернантке своих детей Венке Берг. Церемония прошла в Часовне Роз в пенсионном поселении близ Риверсайда. Затем в честь молодоженов устроили прием на семьдесят пять человек в обеденном зале Роуз-Гар-

ден-Виллидж. На женихе был черный галстук, а в петлице сияла белая гвоздика. Невеста же в белом платье из матового шелка сжимала в руках букет из кустовых роз с ниспадающими до пола цветами стефанотиса. Тонкую тюлевую фату ее держала диадема, усыпанная мелким жемчугом.

Джон Уэйн: Песня о любви

Летом 1943 года восьмилетняя я с папой, мамой и младшим братом оказалась на авиабазе Петерсон-Филд в Колорадо-Спрингс. Месяцами дул горячий ветер, и казалось, что к августу всю арканзасскую пыль сдует в Колорадо, она пронесется над обшитыми брезентом бараками и временными взлетно-посадочными полосами и остановится, лишь разбившись о вершину Пайкс-пик. Таким летом делать было толком нечего: в один из дней состоялась презентация первого Боинга-29, событие заметное, но на полноценную программу на каникулы оно не тянуло. Был офицерский клуб, но без бассейна; единственное, что там было интересного, – это голубой искусственный дождь позади барной стойки. Дождь этот надолго завладел моим вниманием, но не могла же я глядеть на него всё лето, так что мы с братом пошли в кино.

Мы ходили на три-четыре дневных сеанса в неделю; кинотеатром служил темный Куонсетский ангар, в котором были расставлены складные стулья. Именно там летом 1943 года, когда улицы обжигал горячий ветер, я впервые увидела Джона Уэйна. Рассмотрела его походку, услышала голос. Услышала, как в картине «В старой Оклахоме» он говорит девушке, что построит ей дом «у изгиба реки, где растут тополя». Так уж вышло, что я выросла не той женщиной, которая могла бы стать героиней вестерна, а мужчины, которые мне встречались, пусть и были полны добродетелей и отвозили меня жить в разные места, которые я со временем полюбила, отнюдь не были Джонами Уэйнами и никогда не строили мне домов у изгиба реки, где растут тополя. В глубине души, где всё так же льет тот голубой искусственный дождь, я до сих пор мечтаю услышать эти слова.

Я рассказываю это не затем, чтобы излить душу или вспомнить всё, но хочу лишь показать, что Джон Уэйн, вихрем промчавшийся через мое, а быть может, и ваше детство, навеки предопределил очертания некоторых наших фантазий. Казалось невероятным, что этот человек может заболеть, что внутри него может зреть самый необъяснимый и неуправляемый недуг. Слухи рождали неясную тревогу, которая ставила под сомнение само наше детство. В мире Джона Уэйна распоряжаться мог лишь Джон Уэйн. «Едем, – говорил он. – По коням!» «Вперед» и «Мужчина должен делать то, что должно». «Эй, привет», – говорил он, завидев девушку в лагере строителей, в поезде или просто на крыльце в ожидании наездника из высокой травы. Когда Джон Уэйн заговаривал, его намерения невозможно было истолковать превратно: его веская мужественность была видна даже ребенку. Мы рано поняли, что мир полон корысти, сомнений и обезоруживающей двусмысленности, но Джон Уэйн показал нам другой мир, и этот мир, существовал он в действительности или нет, определенно остался в прошлом. Это был мир, где мужчина мог быть свободен, мог создать собственный кодекс чести и следовать ему; мир, где мужчина, который делает, что должно, мог рассчитывать на то, что однажды подхватит подругу и поскачет с ней через лощину туда, где его ждет дом и свобода, а вовсе не больница, невесть откуда взявшаяся хворь, высокая кровать с букетами у изголовья, лекарства и натянутые улыбки. Туда, где в изгибе искрящейся реки утреннее солнце играет в ветвях тополей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.